

Глава 8. Злословие

С полей убрали рис, и во дворе, на расстеленных циновках, сушилось зерно. У Е Чжэнкуня наконец-то появилось немного свободного времени, и он остался дома присматривать за урожаем. С ним и Ши Пулю чувствовала себя спокойнее.

После завтрака она уже вынесла во двор выстиранное бельё. Цзинь Лань же, позавтракав и повздорив с мужем, решила ещё немного поспать и только потом, нехотя, взялась за таз с грязной одеждой. Её лицо, густо напудренное, мелькнуло перед Ши Пулю, отчего та отшатнулась. Цзинь Лань презрительно хмыкнула и, картинно покачивая бёдрами, вышла со двора.

Домов с собственными колодцами в деревне было раз-два и обчёлся. Питьевую воду брали из старого деревенского колодца, а стирать ходили на реку. На берегу лежали плоские камни. Одежду замачивали, клали на камень, натирали мыльным корнем и били вальками. Прополоскав несколько раз дочиста, выжимали и несли домой.

Когда Цзинь Лань пришла на реку, у камней уже сидело несколько женщин. Заметив её, знакомые принялись здороваться.

— Жена четвёртого Е, давно тебя не было.

— Да к матушке на несколько дней ездила, — с улыбкой ответила Цзинь Лань.

— Иди сюда, здесь свободно, — позвала её жена старого плотника Тана.

Цзинь Лань, подобрав штанины, вошла в воду. Прозрачная вода едва скрывала камни на дне. Чуть поодаль виднелись большие плоские валуны, на которых было удобно стирать.

— Хорошо тебе живётся, — вздохнула одна из женщин, — мать в той же деревне, ходи к ней, когда захочешь. А нам вот, чтобы к своим съездить, целый день нужен.

Цзинь Лань, польщённая, расплылась в улыбке. Но воспоминание об утренней ссоре омрачило её настроение. Заметив среди женщин вторую невестку Чжу, она тут же сообразила, что делать. Она прополоскала в воде одну из вещей и с силой швырнула её на камень, сопроводив действие горестным вздохом.

Госпожа Тан (урождённая Гуань) тут же участливо спросила:

— Что случилось? Что за вид у тебя несчастный?

Цзинь Лань, видя, что вторая невестка Чжу уже наострила уши, сказала:

— Да всё из-за нашего... эх!

— Что вздыхаешь? Говори, опять братец Шу что-то натворил? — с негодованием спросила госпожа Тан.

Она не зря сразу упомянула Е Ишу. Каждый раз, приходя на реку, Цзинь Лань непременно находила повод обсудить семью старшего брата мужа, а в особенности — Е Ишу. Для местных женщин, лишённых развлечений, чужие дела были единственной отрадой. К тому же госпожа Тан была женщиной прямодушной. Цзинь Лань уже не раз обводила её вокруг пальца, и та, ослеплённая лживыми речами, совсем перестала разбираться в людях.

Убедившись, что привлекла всеобщее внимание, Цзинь Лань с печалью в голосе начала:

— Да ничего особенного... Сами знаете, наш братец Шу дома не сидит, целыми днями то в городе, то в горах пропадает. Накопил кое-как немного денег и, ни слова не говоря, купил матери серебряную шпильку.

— Я, как младшая тётушка, из лучших побуждений решила его пожурить, а он обиделся.

— Серебряную шпильку? Просто так взял и купил? — ахнула госпожа Тан.

Даже в её семье, где муж и свёкор были плотниками и жили они не то чтобы впроголодь, на кусок мяса решались не каждый день, что уж говорить о бесполезных серебряных украшениях. Остальные женщины, слушая её, кто завидовал, а кто и злился. Надо же, такой, как братец Шу, догадался купить матери шпильку в знак почтения, а их собственные сыновья только и знают, что тянуть деньги из родительского кармана.

Но вторая невестка Чжу думала о другом.

— Если братец Шу так деньгами сорит, то, выйди он замуж, быстро пустит по миру любую семью, — язвительно заметила она.

Цзинь Лань только этого и ждала. Она быстро опустила голову, чтобы скрыть торжествующую улыбку, а когда снова подняла глаза, на её лице было написано лишь беспокойство о племяннике.

— Вот именно, ему ведь уже не шестнадцать, пора бы и о доме подумать.

— О доме! Да кто ж ему дом доверит! — с отвращением фыркнула вторая тётушка Чжу, словно говорила о куске протухшего мяса. — Уж наша-то семья такого гээр точно не возьмёт!

— Да, с таким, как братец Шу, трудно придётся, не знает он, каково это — дом вести.

— Точно-точно.

— Такого в жёны не возьмут...

— А может, он уже нашёл себе богатого покровителя, — со злобой предположила вторая тётушка Чжу. — Что ему какая-то серебряная шпилька, он, небось, и золотую купить может. И неизвестно ещё, сколько у него таких покровителей...

Слушая, как та поносит Е Ишу, Цзинь Лань чувствовала, как утреннее раздражение улетучивается. Вот бы он и вправду замуж не вышел! Чтобы он, подобно незамужней старшей сестре, помогал семье до двадцати лет.

Однако образ доброй и обиженной младшей тётушки нужно было поддерживать. Поэтому, когда вторая тётушка Чжу выговорилась, Цзинь Лань с притворной искренностью вступилась за него:

— Ну что вы, наш братец Шу на такое не способен. Он своему охотничьему ремеслу всерьёз учился. Просто он гээр, а всё время где-то пропадает, и о замужестве совсем не думает. Я так за него переживаю.

Вторая тётушка Чжу мысленно усмехнулась. «Пропадает, как же. Между пятью мужиками, наверное, пропадает».

Цзинь Лань принялась рассказывать о других проделках Е Ишу, а вторая тётушка Чжу, обдумывая услышанное, быстро простирала оставшуюся одежду и поспешила прочь. Она позаботится о том, чтобы вся деревня узнала, какой Е Ишу распутник.

В деревне, где было мало работы и много свободного времени, женщины и фуланы часто собирались вместе, и слухи разлетались быстро. Е Ишу давно знал, что односельчане перемывают ему кости, но, пока сплетни не долетали до него лично, он делал вид, что ничего не знает.

Сейчас он был глубоко в горах. За спиной — лук и стрелы, за поясом — топор. В своей серой одежде он двигался по звериной тропе бесшумно, как леопард. Его зоркий взгляд был прикован к жирному фазану.

Редко встретишь такую крупную и красивую птицу. Е Ишу поднял лук, прицелился, и стрела сорвалась с тетивы. Фазан, захлопав уцелевшим крылом, попытался взлететь. Е Ишу одним прыжком настиг его, схватил за шею, выдернул стрелу и сунул добычу в мешок.

Горы кормили тех, кто жил рядом. В этих бескрайних лесах таились несметные сокровища. Е

Ишу поднял голову, посмотрел на небо, едва видневшееся сквозь густые кроны деревьев, и пробормотал:

— Завтра поведу матушку к лекарю. Может, за приём удастся расплатиться змеиной желчью.

Змеиная желчь использовалась в медицине, а желчь редких змей ценилась на вес золота. Е Ишу не хотел трогать свои сбережения, поэтому, если бы ему сегодня удалось найти что-то равноценное плате за лекаря, вылазка считалась бы удачной.

Но удача не всегда сопутствует человеку. Кроме фазана в его мешке, в этот раз больше ничего не было. В полдень Е Ишу нашёл на горе бамбуковую хижину и немного отдохнул. Растопив печь, он вскипятил воду и съел лепешку из муки и бобового жмыха. После обеда он обошёл несколько своих ловушек, но все они были пусты.

Солнце клонилось к закату, окрашивая западный край неба в тёмно-красный цвет. Ночью в горах выходят на охоту разные звери, и Е Ишу решил испытать удачу. Хижина была построена местными охотниками, и он мог остаться здесь на ночь. В полутора десятках деревень городка Фэн-нянь охотников было немало. Некоторые унаследовали ремесло от отцов, другие, как он, учились у мастеров.

Е Ишу стал учеником в десять лет. В пятнадцать он начал ходить с учителем в горы, а после двух лет обучения стал охотиться в одиночку. Его учитель и второй дядя Ши часто охотились вместе в глубине гор на крупного зверя. Без должных навыков из тех мест можно было и не вернуться. Учитель не хотел рисковать им, да и Е Ишу предпочитал бродить по горам в одиночестве, поэтому в этом году он стал работать сам.

Вечером в лесу сгустился туман. Древние деревья, похожие на призраков, качали своими кронами. Вой волков, крики птиц и стрекот насекомых сливались в тоскливую, пугающую мелодию.

Е Ишу не решался отходить далеко от хижины. Звери, зная, что здесь часто бывают охотники, обходили это место стороной. Е Ишу выпустил впустую несколько стрел и, в конце концов, добыл ещё одного фазана.

На следующий день, едва рассвело, Е Ишу, не спавший всю ночь, начал спускаться с горы. Вернувшись домой, он наскоро умылся, переоделся в красную одежду, позавтракал и уже собрался вести мать в деревню Шанчжу, как вдруг на пороге появился незнакомец.

— Это дом семьи Е? — спросил он. — Доктор Сун просил передать, что его срочно вызвали к больному в город.

— А он не сказал, когда вернётся? — спросил Е Ишу.

— Доктор Сун — хороший лекарь, и берёт недорого, поэтому все в округе хотят лечиться у него, — покачал головой мужчина. — Я редко вижу его свободным. Если вам нужно к нему, лучше приходите пораньше.

— Спасибо, что сообщили.

Мужчина, отдав поклон, удалился со своей корзиной. Он был из деревни Шанчжу и пришёл в Сялинь навестить родственников, заодно выполнив поручение доктора Суна.

«Странно, — подумал он, — бывало и раньше, что доктор Сун договаривался с больным о приёме, а его самого срочно вызывали. Но обычно он просил соседей передать, чтобы не ждали. Зачем же понадобилось отправлять кого-то специально в дом больного? Неужто ему приглянулся этот красивый гээр?»

— А-Шу, раз не идём, так не идём. Ты столько времени провёл в горах, иди в дом, отдохни, — сказала Ши Пулю.

Е Ишу и вправду устал. Он кивнул и, войдя в свою комнату, зарылся с головой в одеяло и уснул.

День выдался ясным и солнечным. Снаружи доносился шум — это отец ворошил во дворе зерно. Под этот убаюкивающий звук Е Ишу крепко заснул. Проснулся он уже ближе к полудню. В разгар уборочной страды семья Е ела три раза в день.

«Из двух добытых фазанов одного отдам в общую казну, — решил Е Ишу, — пусть сегодня сварят из него суп для отца, он так устал за эти дни. А второго пока оставляю, потом решу, продать или съесть».

Приняв решение, он вышел во двор и взял нож, чтобы зарезать птицу. Схватив фазана, он зажал его крылья и гребень, заставив вытянуть шею. Ощипав перья на шее, он поставил на каменную плиту чистую большую миску с солью. Одним движением он перерезал горло и подставил рану к миске. Хлынула кровь. Фазан, обладая недюжинной силой, отчаянно забился. Е Ишу невольно забрызгал себе лицо и одежду. Но он и глазом не моргнул, лишь крепче сжимая птицу.

Проходившая мимо Ли Сынян, увидев брызги крови на земле, уже хотела было разразиться бранью. Но тут гээр повернул к ней голову. Его тёмные глаза, забрызганное кровью лицо... он был похож на Яму, бога смерти. Его взгляд скользнул по её шее, словно он собирался забрать и её жизнь. Ли Сынян вздрогнула и, отвернувшись, поспешила прочь.